

Shandra N.A.

Ivan Franko National University of Lviv

REPETITION AS A STYLISTIC DEVICE AND ITS USAGE IN SPEECHES BY LEADERS OF POLITICAL PARTIES OF GREAT BRITAIN

Summary

The present article investigates the notion of repetition as a stylistic device. The theoretical analysis of researchers in linguistics concerning the characteristics of this notion in philology has been carried out. The division of repetition in speeches by such leaders of political parties of Great Britain as Ed Miliband, David Cameron and Nick Clegg according to structural and componential method has been performed. Single-, two- and multi-component repetitions of politicians' speeches have been illustrated. The most striking samples of structural repetitions in speeches by party leaders of Great Britain have been characterized.

Keywords: repetition, stylistic device, structural repetition, political party, single-component, two-component, multi-component.

УДК 811.161.1:81'32

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АБСТРАКТНЫХ ИМЕН: ИМЯ ВЕЧНОСТЬ

Шерепитко А.С.

Институт филологии

Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

В статье рассмотрены основные методы лингвокогнитивного описания абстрактных имен. Проанализированы особенности когнитивного моделирования непредметных умопостигаемых сущностей. Выявлены базовые метафорические модели ВЕЧНОСТИ, характерные для русского языка и культуры. Описаны инвариантные ситуации употребления имени ВЕЧНОСТЬ в русской разговорной речи. Реконструированы основные дискурсивные когнитивные модели ВЕЧНОСТИ.

Ключевые слова: когнитивная модель, концептуальная метафора, гештальт, дискурсивная модель, абстрактное имя.

*Что такое вечность как не метафора?
Ведь о неметафорической вечности
мы ничего не знаем.*
Ю. К. Олеша. Книга прощания (1930-1959)

Одним из ключевых заданий когнитивной лингвистики с самого момента ее становления было исследование процессов структурирования в сознании и языке человека его опыта общения с окружающим миром. Особый интерес в рамках данной проблематики представляет вопрос о специфике категоризации и концептуализации абстрактных, умопостигаемых сущностей, не имеющих предметных референтов в мире вещей. Каким образом в сознании человека формируются представления о понятиях, которые не могут быть восприняты физически? В чем состоят различия в познании и восприятии человеком явлений “мира идей” и объектов “мира вещей”? Исследовательские поиски решения данных вопросов мотивировали введение в научный лингвистический обиход метод когнитивного моделирования.

Когнитивное моделирование представляет собой комплекс приемов и методик исследования когнитивных структур, а также выявления особенностей их соотношения с языковыми структурами. Изучение когнитивных моделей позволяет ученым подойти ближе и глубже к описанию “механизмов мышления и процесса образования концептуальной системы человеческого сознания как той базы, на которой мышление протекает” [1, с. 56-57]. Данная исследовательская концепция восходит к теории идеализированных когнитивных моделей Дж.

Лакоффа, в рамках которой когнитивная модель рассматривается как универсальный способ структурирования ментальных пространств, а именно: способ восприятия и понимания человеком окружающего мира (будь то непосредственно данная нам реальность, вымышленные или гипотетические ситуации, либо сфера абстрактных категорий) [2, с. 144].

Фундаментальную работу “Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении” (1987) Дж. Лакофф начинает с главы “О важности категоризации”. Здесь он по сути формулирует базовые задачи лингвистики в исследовании когнитивных процессов, а именно: “выявить механизмы мышления и, соответственно, определить структуру категорий, ... так как изучение процессов категоризации исключительно важно для любых подходов к пониманию того, как мы мыслим и как мы функционируем, и, следовательно, без этого невозможно осознание того, что делает нас людьми” [2, с. 143].

По мнению Дж. Лакоффа, сократить путь от категорий языка к механизмам мышления позволяет метод когнитивного моделирования. Ученый последовательно отстаивает идею о том, что категоризация объектов окружающего мира испытывает сильное влияние телесного восприятия мира человеком, а также напрямую зависит от его биологических особенностей. И это касается не только категорий физических объектов, но и невещественных абстрактных категорий [2, с. 165]. Метафорические когнитивные модели наряду со схематическими Дж. Лакофф называет универсальными способами

структурирования знаний об абстрактных понятиях: “Абстрактные категории выстраиваются по метафорическому принципу на основе тех структур, которые формируются в области опыта физического взаимодействия” [2, с. 164].

Апелляция к метафорическим моделям в принципе является самой рас-пространенной методикой лингвистического анализа абстрактных имен. Встречается она, в частности, в исследовании “О вещных коннотациях абстрактных существительных” (1997) В. А. Успенского – без преувеличения одной из самых авторитетных работ в русистике, посвященных анализу умпостигаемых интеллектуальных существей.

Согласно концепции В. А. Успенского, универсальным механизмом “хранения информации об абстрактных существительных в человеческом мозгу являются чувственные образы, проявляющиеся в форме вещных коннотаций” [4, с. 152]. Под термином “вещная коннотация” ученый понимает особенность лексической сочетаемости абстрактных имен: “отвлеченное существительное может иметь такую лексическую сочетаемость, как если бы оно обозначало некоторый материальный предмет (образующий материальную, или вещную, коннотацию рассматриваемого существительного), и потому в мысленном эксперименте может быть воспринято как конкретное существительное, обозначающее этот предмет” [4, с. 151]. Свою гипотезу Успенский иллюстрирует на примерах слов “авторитет”, “страх”, “горе”, “радость” и заканчивает работу предположением о том, что концептуализация посредством чувственного образа – универсальный способ не только для предметных, но и для абстрактных категорий. В случае последних – образ “заимствуется” у связываемых с ними вещных категорий, что в языке отражается путем заимствования набора сочетаемостных характеристик [4, с. 149-150].

Комплексный анализ предметно-атрибутивных, а также ассоциативных инвариантных и вариативных связей абстрактных имен позволяет реконструировать лежащий в основе его концепта чувственный образ или гештальт: “Из сочетаемости абстрактного имени с описательным глаголом выводится имплицитный образ абстрактного имени, обусловивший его сочетаемость. Этот образ – гештальт. Гештальты могут быть повторяющимися и уникальными. Повторяющиеся гештальты через глубинные связи абстрактного имени с вещным миром раскрывают связи (семантико-прагматические сходства и различия) абстрактных имен между собой” [6, с. 89].

Э. Лассан считает недостаточным анализ концептуального содержания абстрактного имени в рамках метафорических сочетаний. Ученый предлагает расширить контекстуальную область исследования до уровня “погруженных в жизнь текстов”, дискурсов. Так, по мнению исследователя, можно ближе приблизиться к выяснению того, какой опыт памяти и какая направляющая работа воображения зафиксированы в анализируемом имени [3]. Дискурсивная когнитивная модель Лассана заключается в исследовании парадигматических и синтагматических связей лексемы с соблюдением общего принципа толкования значения слова в составе предложения. Данный подход, по мнению автора, позволяет расширить круг затрагиваемых проблем, а именно поднять вопросы о том, “что думал некогда и что сейчас думает носитель русского языка и культуры об исследуемом феномене, с какими другими ключевыми понятиями культуры как метами

ценностей он связан, что мы можем думать о носителях культуры на основании того, что они думают об анализируемой сущности и ее месте в системе ценностей?” [3].

Несмотря на то, что абстрактные имена довольно часто становятся объектом лингвокогнитивных исследований (см. раб. Анна А. Зализняк, С. Г. Воркачева, Е. С. Кубряковой, И. Б. Левонтиной, О. Г. Ревзиной, С. А. Ромашко, Н. К. Рябцевой, С. Л. Сахно, Ю. С. Степанова, Л. О. Чернейко, А. Д. Шмелева, О. С. Фисенко, Е. С. Яковлевой, Т. Е. Янко и др.), на сегодняшний день, насколько нам известно, в языковедческих работах не было представлено попытки комплексного анализа метафорических и дискурсивных моделей данного рода феноменов. Именно такую попытку мы и постарались предпринять в настоящей работе.

Таким образом, **цель данной статьи** – проанализировать особенности когнитивного моделирования абстрактных имен на примере имени ВЕЧНОСТЬ, выявить базовые метафорические и дискурсивные когнитивные модели представления о вечности, характерные для русского языка и культуры. Примеры языкового употребления, рассматриваемые в статье, взяты из “Национального корпуса русского языка” (<http://www.ruscorpora.ru/>).

Рассмотрим контексты, имплицитующие метафорические модели концепта абстрактного имени ВЕЧНОСТЬ.

Метафорические модели ВЕЧНОСТИ

Яркой иллюстрацией тезиса Дж. Лакоффа о влиянии физического опыта взаимодействия человека с окружающим миром на его представление о невещественных абстрактных феноменах является исследуемый в настоящей работе концепт ВЕЧНОСТЬ. Представление о вечности в принципе возникло в связи с физиологической ограниченностью возможностей человека, ведь главной психологической предпосылкой формирования представления о вечности является естественное внутреннее стремление человека к преодолению временных границ, в пределах которых он существует, иначе говоря, желание победить время, замедлить процессы старения и тем самым избежать своего конца, смерти.

В качестве примера модели структурирования любой категории Дж. Лакофф называет пространственную образную схему Вместилища. Так, например, в структуре исследуемого нами концепта ВЕЧНОСТЬ ключевые позиции занимают образные стереотипы водного вместилища (*водоема или пропасты, в которую впадает река времени*), а также помещения (*дом, здание, чертоги, в котором обитает душа после смерти человека*) [детальное описание см. в ст. Шерепитко 7, с. 327-335].

Упомянутая выше схема вместилища в процессе категоризации вечности реализована путем разворачивания концептуальных метафор, например: *время-река/вечность-водоем, куда она впадает, человеческая жизнь - путь/вечность - место, в которое этот путь ведет*.

Более широкий диапазон метафорических моделей ВЕЧНОСТИ позволяет выявить метод вещных коннотаций В. А. Успенского. Так, существительное “вечность” в русском языке чаще всего выступает с таким набором сочетаемостных характеристик, как если бы оно обозначало: некий период времени, сакральный локус или живое существо.

Вечность как определенный отрезок времени. Чаще всего имя Вечность употребляется в сочетаниях “на позиции” определенного временного периода, который в разных контекстах может приравниваться самым разным единицам времени:

секундам (Но сейчас, казалось, невозможно было выдержать бесконечные, как вечность, секунды наводки (Ю. Бондарев. Горячий снег. 1969), *минуте* (Прошла минута. Вечность. Пустое белое время (К. Сурикова. Эти дети смеялись как сумасшедшие. 2003), *пяти минутам* (Целая вечность прошла, минут пять, пока смысл выбитых букв стал сцепляться в слова, а те – во фразу (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы. 2008-2009), *суткам* (Вперед расстилась вечность – почти сутки до поезда во Франкфурт (С. Есин. Марбург. 2005), *месяцу* (Вспоминай то лето, когда ты жил один в старом отцовском доме: жил целую вечность – месяц (В. Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий. 2002), *нескольким месяцам* (Радость длилась целую вечность – с марта по октябрь 1917-го (Ш.Шалит. Свободная душа Эсфири. Фридзел. 2003), *лету* (Если первое моё лето длилось вечность, то второе уже было покороче, а остальные вообще замелькали: встал – лёг, встал – лёг; крутятся колесо, и крутятся в нём и зимы, и лета, и вёсны, и осени (М. Валева. Кусаки, рыжий бес. 2008), *году* (И каждый год – вечность; единственный зримый след она, эта вечность, оставляла на дверном косяк (О. Павлов. Асистолия. 2009), *тысяче ночей* (Тысяча ночей, подумать только – это же целая вечность! (М. Шишкин. Письмовник. 2009).

При этом чаще всего в сочетаниях с лексемой «вечность» обнаруживается представление о ней как об очень долгом времени, настолько большом отрезке времени, насколько можно себе представить: И сразу со всех сторон Юрасова охватила такая необъятная и сказочная тишина, как будто это была не минута, пока стоял поезд, а *годы, десятилетия лет, вечность* (Л. Андреев. Вор. 1904), *Прошло много лет*, можно сказать, *вечность минула* (В. Астафьев. Затеси. 1999), Но чертов каменный палец, на который *за всю ту вечность, какую он существует*, никому, кроме вас, не пришлось в голову забраться, – нет! (И. Бояшов. Путь Мури. 2007), «Забронировать» их можно *хоть на вечность, хоть на час* (Е. Малик. Автомобиль напрокат/Почем сбываются мечты (2002), *Живи здесь хоть вечность*, если есть валюта (О. Глушкин. Пути паромов (1990-1999). Из данных примеров следует, что вечность – это прежде всего субъективная единица измерения *времени*, качественная характеристика времени, способная распространяться на разные в количественном отношении хронологические отрезки: «Можно прожить биологически долгую жизнь как миг, а биологически короткую как вечность» (А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца 1988-1998).

То, что субъект назовет вечностью, может зависеть от: его возраста, психоэмоционального состояния, общей ситуации, в которой находится субъект и т.д. Самые типичные ситуации и состояния, в которых русскоязычный человек склонен употреблять слово «вечность» в качестве характеристики определенного периода времени, – это: ситуация ожидания, томительно долгого и некомфортного для субъекта (Мы не можем *торчать здесь целую вечность*, становится слишком скучно (А. Белянин. Свирепый ландграф. 1999), Или действительно не знали, куда меня переводят. *Время растаяло в вечность*. Пюре и морковные котлеты (М. Петросян. Дом, в котором... 2009), Что и говорить, *год в тылу врага – целая вечность* (М. Болтунов. Спецзадание капитана Черного. 2004), встречи после долгой разлуки с кем-то или чем-то (Сколько же мы не виделись? *Вечность*. Ты еще хоть чуть-чуть любишь меня? (Г. Бакланов. Мой генерал. 1999), Квартира

артистическая, все от антикваров, масса книг, картин, *Беклин, которого я не видела вечность* и который мне почему-то понравился (В. Катанян. Лиля Брик. Жизнь. 1999), Если мы встречаемся со старым школьным товарищем, с которым не виделись целую вечность, мы должны поднять стаканы с вином, как волшебные фонарики, выхватывающие наши лица из тьмы годов безжалостным и нежным светом (Ф. Искандер. Путь из варяг в греки. 1990), состояние эмоционального подъема, счастья, влюбленности, юношеской эйфории (Потому что *он любит ее, а она поклялась любить его вечно. Вот и наступила вечность*. Пора. (Ю. Буйда. Город палачей. 2003), Они сели на широкую балку и встретились клювами, словно губами, и *не могли надыхаться друг другом целую вечность*, пока из зала не ушел последний уборщик, пока не погас свет (Д. Липскеров. Последний сон разума. 1999), Эта прекрасная пара *заключила брак на вечность* (М. Елизаров. Pasternak. 2003), Я смотрю в его глаза, которые вдруг темнеют, и я становлюсь как воск, наши души вместе, и наступает вечность... (Т. Окуневская. Татьянин день. 1998).

• Вечность как сакральный локус, обладающий надвременным и сверхчеловеческим статусом. Вечность получает значение места, куда уходят (входят, отходят) умершие – «вместилища» человеческих душ, если использовать образную схему Лакоффа: Я надолго научился по одному виду больного понимать, поправится он или *отойдет в вечность* (В. Розов. Удивление перед жизнью. 1960-2000), И тогда я дергаю зубами чеку и *ухожу в вечность*, в гранитные контуры монумента и золотые букв на мемориальной доске: «Старший лейтенант Алексей Вязинцев пал смертью храбрых...» (М. Елизаров. Библиотекарь (2007).

Опираясь на факты русского языка, обнаруживаем, что пространство вечности может располагаться в сакральных локусах сада (Аллея уходила прямо из-под окна в небо, в вечность – засасывающий липовый рай (С. Осипов. Страсти по Фоме. Книга третья. Книга Перемен (1998), леса (Нигде никогда не ощущается вечность так, как вечером и ночью, опустившимися в лес (В. Астафьев. Затеси, 1999), локуса, находящегося за горизонтом (Ибо на месте ничего не стоит, все движется, движется, уходит в вечность, идет за горизонт (Е. Попов. Во времена моей молодости. 1970-2000), Там, где-то под горизонтом орбита солнца пересеклась с вечностью (С. Д. Кржижановский. Воспоминания о будущем. 1929), за гранью земного мира (И в эту Вечность, где обитает Создатель, залетают время от времени кровавые ошметки брэнного человеческого времени, что, конечно же, наполняет Его сердцестраданием, но от первоначального замысла не отвращает (С. Штерн. Ниже уровня моря. 2003), Ведь вечность – так, во всяком случае, он всегда думал – была чем-то неизменным, неразрушимым и никак не зависящим от скоротечных земных раскладов (В. Пелевин. Generation «П». 1999).

К преодолению границы сакрального пространства вечности способны не только бессмертные души, но и некоторые объекты физического мира – величественные архитектурные сооружения, здания, произведения искусства (Они стояли, как пирамиды, эти блочные многоэтажные усыпальницы, что-то попирая в душе одним своим видом... Одинаковой высоты, вообще одинаковые – и одинокие, белые-белые, светясь на фоне какой-то вечной мглы... Черный космос, высвеченный ледяными огнями... Чувство невесомости... Небо – вечность (О. Павлов. Асистолия. 2009), Вечность – величественный не-

крополь, ее аттический лед бесстрастен, а я живу на своей земле, которой нужна только злота дня (Л. Зорин. Глас народа. 2008), Вечность, вечность смотрит на нас с картин Репина (В. Аксенов. Коллеги. 1962), Создания искусства – это приотворенные двери в Вечность (В.Я. Брюсов. Ключи тайн. 1904), Очень грамотно написано. Очень основательно, с замахом в вечность. Так и хочется дописать по-простому, по-набоковски: «Дуб – дерево (Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия. 2007).

Вечность как нечто сверхчеловеческое невозможно постигнуть (Дело, однако, в том, что мы имеем глухое понятие о времени, в частности, мы неспособны постигнуть вечность и даже протяженность часа у нас зависит от рода занятий и состояния поджелудочной железы (В. Пьецух. Уроки родной истории. 2003), И тут наступит смерть – вечность – великая тайна (Л. Н. Андреев. Рассказ о семи повешенных (1908), но можно почувствовать (Просто мы очень хорошо чувствуем «вечность» классиков и не замечаем ее у современников (Ю. Даниэль. Письма из заключения. 1966-1970), Я могу еще лучше ответить на этот вопрос: раз я в любви своей к Л. чувствую вечность, значит, Бог существует (М. М. Пришвин, В. Д. Пришвина. Мы с тобой. Дневник любви. 1940), в нее можно верить (Ее зовут Марья Петровна; она богомольна, тиха и испуганна; пожалуй, что вот эта в вечность верит (М. А. Осоргин. Свидетель истории. 1932).

• Вечность как живое существо. Антропоцентрический характер чувственных образов вечности детерминирован абстрактностью семантики исследуемого слова. Экспериментально доказано, что содержательной доминантой чувственных образов абстрактных существительных является человек. Это объясняется спецификой абстрактной лексики, номинирующей скорее не какой-то отдельный объект или фрагмент действительности, а особенности отношения человека к ней [5, с. 41]. Вечность чаще всего в русскоязычных текстах предстает в образе женщины, что очевидно мотивировано принадлежностью называющего ее существительного к грамматической категории женского рода. «Женщина-вечность» наделяется специфическими чертами характера: она фатальна (И этот парень не знал, что эта вечность, притворяющаяся фаталисткой, фатально непредсказуема (С. Василенко. За сайгаками. 1997-2000), жестока (Хватит, хочешь всех, но со всеми не будешь – нарастут ослепительные, жестокие и молодые другие клейкие листочки, для которых ты будешь вонючим стариком, могильным горбом, прозрачным воздухом, они будут всегда – вот что такое жестокая вечность, – все девки не состарятся вместе с тобой – почему мне не досталось что-то другое, а только это? (А. Терехов. Каменный мост. 1997-2008), равнодушна (Многие, наверно, успели бросить в вечность прекрасные строки, полные отчаяния и надежды – а вечность равнодушно слотнула их дар, и на ее ровной поверхности не осталось даже ряби... (В. Пелевин. S.N.U.F.F. 2011), Когда доходит до главных вопросов, вечность нема, как мгновенье (А. Генис. Довлатов и окрестности. 1998), высокомерна (Грозная, высокомерная вечность не в силах терпеть рядом с собою такого ничтожного пустяка, как жизнь (В. В. Вересаев. «Да здравствует весь мир!»), прожорлива (Или вечность столь прожорлива, а потомки столь неблагодарны? (Г. Алексеев. Зеленые берега (1983-1984), Я очень хорошо понимаю вечность, которая глотает всех нас, как букашек... как букашек (Б. К. Зайцев. Голубая звезда. 1918), Луч света гас, исчезали в темноте Галина и Зураб, как бы поглощаемые веч-

ностью (И. А. Архипова. Музыка жизни. 1996), ... Все последние два года жизни на Апшероне мерцало неотступно дыханье вечности, заглядывавшей в пустоту всех, кого я любил, кого я любил другие (А. Иличевский. Перс. 2009), грустная и плачущая (Это было настоящее рыдание над этим бедным миром, как будто сама вечность плакала о том, что он разлучен с нею; в грехе, в тоске, в страстном ожидании (Н. Н. Пунин. Письма А.А. Ахматовой. 1926-1927), Казалось, вечность грустит о недо-ступном ей уюте временной радости жизни, а уют временной радости жизни сладок душе человека самой недоступностью вечной жизни на этой земле (Ф. Искандер. Сандро из Чегема. 1989). С ней выясняют отношения (Там, сняв марлю с картин, выясняли свои отношения с вечностью человек пять художников, шумных, молодых и мне не знакомых (В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени. 1996-1997), с ней заигрывают (Две-три мрачных, заигрывающих с вечностью фразы, последний выхлоп элегической ноты – рассказ готов (В. Маканин. Голоса (1977), которую покоряют (Овладение временем, брак с временем означает покорение вечности (А. Иличевский. Перс. 2009).

Представленный выше комплекс базовых метафорических моделей ВЕЧНОСТИ, характерных для русского лингвокультурного пространства, может быть дополнен за счет расширения поля анализа до уровня высказывания. Данная методологическая модель исследования абстрактных имен представлена в работе Э. Лассана «Надежда»: семантический и концептуальный анализ» (2002).

Дискурсивные когнитивные модели ВЕЧНОСТИ

В соответствии с концепцией Э. Лассана дискурсивные модели концепта эксплицируются путем толкования инвариантных ситуаций, описываемых высказываниями с его именем (в рамках нашего исследования данным именем выступает слово «вечность»). Далее рассмотрим типичные дискурсивные модели Вечности.

• Ситуация «N. ждал вечность (кого-либо/что-либо)». В русском языке слово «вечность» чаще всего употребляется в сочетаниях типа ждать вечность, прождать вечность (кого-либо/что-либо): Я прождал тебя целую вечность! Субститутом слова «вечность» могут быть номинации, обозначающие любой длительный промежуток времени: ср. Я прождал тебя полдня, я прождал тебя уйму времени; прошли годы с тех пор, как я был здесь в последний раз. Использование лексемы «вечность» в данном случае сигнализирует об психоэмоциональном состоянии раздраженности, повышенной напряженности и возмущения, соответствующего ситуации ожидания, томительно долгого и некомфортного для субъекта: Мы не можем *торчать здесь целую вечность*, становится слишком скучно (А. Белянин. Свирепый ландграф. 1999), Скорую *прождали вечность*. Будто набили живот камнями и сжимают тисками. Пальцы на ногах онемели (М. Шишкин. Письмовник. 2013). Состояние описываемое с помощью сочетания «ждать/ожидать вечность кого-либо/что-либо» связано с наличием негативной эмоциональной составляющей: говорящий ощущает себя раздраженным, обиженным (или даже обманутым) слушающим и желает, чтобы слушающий почувствовал себя виноватым.

• Ситуация «Прошла вечность для N./N. не виделся вечность с P.» (с тех пор как/с того момента, как). Для второго состояния («прошла вечность...») набор типичных ситуаций более разнообразен. Акцент перемещен с негативного впечатления от

долгого ожидания к позитивному впечатлению об окончании этого длительного ожидания: ср. Я прождал тебя целую вечность! И Прошла вечность с тех пор, как ты ушел. Во втором примере налицо смена коммуникативного намерения говорящего: он хочет, чтобы слушающий оценил его значимость для говорящего и его радость от его возвращения: Сколько же мы не виделись? Вечность. Ты еще хоть чуть-чуть любишь меня? (Г. Бакланов. Мой генерал. 1999), Квартира артистическая, все от антикваров, масса книг, картин, *Беклин, которого я не видела вечность* и который мне почему-то понравился (В. Катанян. Лиля Брик. Жизнь. 1999), Если мы встречаемся со старым школьным товарищем, с которым *не виделись целую вечность*, мы должны поднять стаканы с вином, как волшебные фонарики, выхватывающие наши лица из тьмы годов безжалостным и нежным светом (Ф. Искандер. Путь из варяг в греки. 1990).

▪ Ситуация “Длиться вечность для N.”. Значение вечности как чрезмерно долго длящегося отрезка времени реализуется также в ситуации, обозначаемой сочетанием “длиться вечность”: *Если первое моё лето длилось вечность, то второе уже было покороче*, а остальные вообще замелькали: встал – лёг, встал – лёг; кружится колесо, и крутятся в нём и зимы, и лета, и весны, и осени (М. Валеева. Кусаки, рыжий бес. 2008). Длиться вечность может ситуация, из которой субъект желает поскорее выйти, или событие, скорейшего завершения которого субъект желает: Машина для счёта денег принялась отсчитывать франки – *кажется, это длилось вечность* (А. Карабаш. Три дня в Монако. 2002), *Дежурство у них длится целую вечность*. С понедельника по субботу (А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью. 2001). Включение определения “целая” сигнализирует о желании говорящего пережить им ощущение абсолютной невыносимой длительности.

▪ Ситуация “Наступила вечность для N.”. В разговорном русском языке также присутствует тенденция употребления словосочетания наступила вечность. Данное выражение сопутствует погружению субъекта в ситуацию эмоциональной поднесенности (счастья, влюбленности, юношеской эйфории): Потому что *он любит ее, а она поклялась любить его вечно. Вот и наступила вечность*. Пора

(Ю. Буйда. Город палачей. 2003), Я смотрю в его глаза, которые вдруг темнеют, и я становлюсь как воск, наши души вместе, и *наступает вечность...* (Т. Окуневская. Татьянин день. 1998). В данной ситуации реализуется значение вечности как надвременной сущности: в момент абсолютной радости время останавливается, замирает, и наступает вечность (ср. счастливые часы не наблюдают).

Данный список дискурсивных когнитивных моделей охватывает только типичные и самые распространенные ситуации употребления имени Вечность в живой разговорной речи носителей русского языка. Однако, как видим, их реконструкция была бы невозможной, ограничься мы лишь возможностями метафорического анализа.

Описанные факты позволяют сделать следующие выводы. Благодаря методу когнитивного моделирования, относительно недавно вошедшему в научный лингвистический обиход, возможно более глубокое и разностороннее изучение процессов концептуализации и категоризации человеческого сознанием объектов окружающего мира, в том числе сущностей нематериальных, абстрактных, умопостижимых. Проведенный анализ показывает, что наряду с выявлением метафорических когнитивных моделей, основанном на экспликации чувственного образа, лежащего в основе концепта абстрактного имени, эффективным является описание его сочетаемостных характеристик на уровне высказывания. Исследование показало, что наиболее продуктивными метафорическими моделями ВЕЧНОСТИ являются модели: “Вечность – временной отрезок”, “Вечность – сакральный локус”, “Вечность – живое существо”. Дискурсивные же модели ВЕЧНОСТИ демонстрируют, что базовая ситуация употребления имени данного концепта в обыденной русской речи – это ситуация длительного ожидания, сопровождаемая определенной эмоциональной установкой говорящего (от резко негативной к высоко позитивной). С целью более глубокого анализа лингвокогнитивного содержания ВЕЧНОСТИ в русской лингвокультуре перспективным представляется дальнейшее исследование более широкого круга контекстов употребления имени данного концепта, в частности в русскоязычном религиозном, философском и естественнонаучном дискурсах.

Список литературы:

1. Демьянков В. З. Когнитивная модель // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 56-57.
2. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
3. Лассан Э. “Надежда”: семантический и концептуальный анализ / Лассан Э. // *Respectus Philologicus*. – Т. 2 (7). – Vilnius, 2002. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/lassan-02.htm>.
4. Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных [Текст] / В. А. Успенский // *Языки русской культуры. Русские словари. Семиотика и информатика*. – М., 1997. – Вып. 35. – С. 146-152.
5. Стернин И. А. Слово и образ. Монография / И. А. Стернин, М. Я. Розенфельд. – Воронеж: «Истоки», 2008. – 243 с.
6. Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени [Текст] / Л. О. Чернейко. – М., 1997. – 349 с.
7. Шерепитко А. Образные стереотипы восприятия вечности в русской лингвокультуре / А. Шерепитко // *Мовні і концептуальні картини світу*. – Вип. 46. Ч. 4. – К., 2013. – С. 327-336.

Шерепітко А.С.

Інститут філології

Київського національного університету імені Тараса Шевченка

КОГНІТИВНЕ МОДЕЛЮВАННЯ АБСТРАКТНИХ ІМЕН: ИМ'Я ВІЧНІСТЬ**Анотація**

У статті розглянуті основні методи лінгвокогнітивного опису абстрактних імен. Проаналізовано особливості когнітивного моделювання непередметних сутностей. Виявлено базові метафоричні моделі ВІЧНОСТІ, характерні для російської мови і культури. Описано інваріантні ситуації вживання імені ВІЧНІСТЬ в російській розмовній мові. Реконструйовані основні дискурсивні когнітивні моделі ВІЧНОСТІ.

Ключові слова: когнітивна модель, концептуальна метафора, гештальт, дискурсивна модель, абстрактне ім'я.

Шерепітко А.С., Sherepitzko A.S.

Institute of Philology,

Taras Shevchenko National University of Kyiv

THE COGNITIVE MODELS OF ABSTRACT CONCEPTS: THE ETERNITY CONCEPT**Summary**

The article describes basic methods of cognitive description of abstract concepts in linguistics. The distinctive features of cognitive modeling intelligible phenomena are analyzed. Basic metaphorical models of ETERNITY common for Russian language and culture are identified. The paper also reveals typical contexts of ETERNITY used in Russian speech. As a result, the main discursive cognitive models of ETERNITY are reconstructed.

Keywords: cognitive model, conceptual metaphor, gestalt, discursive model, abstract concepts.

УДК 811.161.2'367.332'367.635

**ПРИНЦИПИ КЛАСИФІКАЦІЇ НЕЧЛЕНОВАНИХ РЕЧЕНЬ
У СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРНІЙ МОВІ**

Шиць А.А.

Інститут філології та журналістики

Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки

У статті схарактеризовано чинні в сучасній лінгвістиці концепції опису нечленованих речень, вирізено терміни на позначення зазначених конструкцій, визначено диференційні ознаки розглянутих синтаксичних одиниць та запропоновано класифікаційну сітку їхнього дослідження.

Ключові слова: нечленовані речення, слова-речення, еквіваленти речення, комунікати, квазі-речення, односкладні речення, модальність.

Постановка проблеми. З-поміж простих реченневих побудов особливістю структури, умовами функціонування та своєрідністю комунікативно-прагматичного призначення вирізняються конструкції, позбавлені диференціації на члени речення.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Аналізуючи конструкції, які експлікують думку, що “не має чіткого формально-синтаксичного і семантико-синтаксичного членування, тобто не втілюється у формально-синтаксичних і семантико-синтаксичних компонентах” [6, с. 101], дослідники послуговуються термінами *нерозчленовані речення* [2, с. 236], *нечленовані речення* [6, с. 100; 9, с. 120–121; 12], *синтаксично неподільні речення* [3, с. 119], *синтаксично нечленовані конструкції* [8, с. 231], *слова-речення* [16, с. 289–303; 8, с. 232; 19, с. 138; 13, с. 420], *еквіваленти речення* [16, с. 289; 9, с. 197; Шульжук 19, с. 138], *квазі-речення* [9, с. 108], *комунікати* [15, с. 292]. Деякі лінгвісти використовують кілька наведених понять, уживаючи їх як синоніми

чи у співвідношенні загальне – конкретне. Зокрема, І. Р. Вихованець надає перевагу сполучі *нечленовані речення*, хоч паралельно використовує *слова-речення* [6, с. 100], терміни *нечленовані речення* та *еквіваленти речення* як синоніми вживає А. П. Загнітко [9, с. 197]. У низці мовознавчих студій обсяг названих понять не завжди тотожний. Зокрема, на переконання П. С. Дудика [16, с. 289] та К. Ф. Шульжука [19, с. 138], побудови, які виконують функцію повноправних виражальних засобів мови, “що сприймаються на синтаксичному рівні речення як його своєрідні замітники” [16, с. 289], варто позначити узагальненим терміном *еквіваленти речення*. У праці “Із синтаксису простого речення” П. С. Дудик уточнює: “У власне структурному плані – це *синтаксично нечленовані конструкції*, а в плані комунікативному, функціональному – це *еквіваленти*, або *замінники речення*” [8, с. 232]. Зазначену групу синтаксичних одиниць, за спостереженнями лінгвістів, структурують слова-речення, незакінчені речення і звертання-речення [16, с. 289;